

Расходы домохозяйств на дополнительное образование и здоровье детей в возрасте 10-17 лет в регионах России

Екатерина Андреевна Середкина (seredkina-ea@ranepa.ru), Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации, аспирант МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия.

Елена Васильевна Вьюговская (vyugovskaya-ev@ranepa.ru), Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации, Россия.

Household expenditures on additional education and health of children aged 10-17 in Russian regions

Ekaterina Seredkina (seredkina-ea@ranepa.ru), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Russia.

Elena Vyugovskaya (vyugovskaya-ev@ranepa.ru), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.

Резюме: Статья основана на данных онлайн опроса, проведенного среди родителей, имеющих хотя бы одного ребенка в возрасте 10-17 лет. Опрос проводился в восьми регионах страны, реализованная выборка составила 115 115 анкет. Для анализа отобраны наблюдения, в которых указан размер домохозяйства и указаны расходы хотя бы на одну из трат на ребенка – дополнительное образование и медицина. Подвыборка составила 100 397 анкет (87% от всей выборки). В статье показаны факторы, определяющие вероятность более высоких расходов домохозяйств на дополнительное образование и здоровье ребенка, в том числе состав и место проживания домохозяйства и др. Кроме того, было выявлено, что пол ребенка и его возраст являются значимыми факторами для размера расходов домохозяйства по рассматриваемым категориям. Девочки по сравнению с мальчиками зачастую оказываются более включенными в систему дополнительного образования, что влияет на уровень расходов их родителей на эту сферу. В младших возрастах большие траты на здоровье наблюдаются среди родителей мальчиков, но начиная с 13 лет в расходах на здоровье появляется дисбаланс в пользу девочек. Более высокие траты на здоровье девочек отчасти могут быть объяснены тем, что к 17-летнему возрасту большая доля девочек по сравнению с мальчиками имеет ограничения по здоровью. Кроме того, наблюдается существенная разница в доле мальчиков и девочек, занимающихся спортом (не в пользу последних), что также может быть фактором более высоких расходов на их здоровье.

Ключевые слова: Россия, семьи с детьми в возрасте 10-17 лет, родительские расходы на детей в зависимости пола ребенка, материальное благополучие, семейная политика.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Середкина Е.А., & Вьюговская Е.В. (2024). Расходы домохозяйств на дополнительное образование и здоровье детей в возрасте 10-17 лет в регионах России. Демографическое обозрение, 11(2), 62-85. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21827>

Abstract: The article is based on data from an online survey conducted among parents with at least one child aged 10-17. The survey was conducted in eight regions of Russia, with a sample of 115,115 questionnaires. For analysis, we selected observations containing data on household size and expenditures on at least one of two child expenditures categories - additional education and medicine. The subsample totaled 100,397 questionnaires (87% of the whole sample). The paper shows the factors determining the likelihood of higher household spending on additional education and child health, including household composition, location etc. In addition, we found that the child's gender and age are significant factors for the size of household expenditures in the categories considered. Girls are often more involved than boys in the system of additional education, which affects the level of their parents' expenditures in this sphere. As for health expenditures, we found higher spending on children at younger ages among parents of boys, but after age 13 an imbalance appears in favor of girls. The higher health spending on girls can be explained in part by the fact that by age 17, a higher proportion of girls than boys have health limitations. In addition,

we found a significantly higher proportion of boys participating in sports, which may also be a factor in the greater health spending on girls.

Keywords: *Russia, families with children aged 10-17, parental spending on children by child gender, material well-being, family policy.*

Funding: *The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.*

For citation: *Seredkina E., & Vyugovskaya E. (2024). Household expenditures on additional education and health of children aged 10-17 in Russian regions. Demographic Review, 11(2), 62-85. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21827>*

Теоретическое обоснование

Существующий зарубежный и отечественный опыт регулярных мониторинговых исследований охватывает многие стороны жизни родителей и детей, что выражается в детальном анализе статистической информации, полученной по более или менее схожей системе параметров, характеризующих положение ребенка в семье (Beardsmore, Siegler 2014; OECD 2015; Кислицына 2018; Jordan, Rees 2020). Данные параметры или показатели призваны оценить удовлетворенность на уровне базовых потребностей (материальное благополучие, здоровье, питание, безопасность) и также на уровне социальных отношений и активности (образование и самореализация, эмоциональный комфорт и прочее).

Доступность материальных ресурсов является одним из ключевых индикаторов субъективного благополучия семьи и детей для развития долгосрочной стратегии социальной, семейной политики и снижения бедности (Овчарова 2019; Елизаров, Сеница 2019). В зарубежной и российской практике существует множество работ, направленных на выявление и оценку расходов на детей, изучение их структуры, специфики и оснований в пользу большего или меньшего количества трат. В последних подчеркивается сложная и многогранная природа взаимосвязи между возрастом и полом детей и затратами, связанными с их воспитанием (Behrman 1988; Lundberg, Rose 2004; Barcellos et al. 2012; Bertrand, Pan 2013; Autor et al. 2019; Гусева 2013; Кузнецов 2023).

Так, родительские расходы могут обуславливаться полом ребенка в силу множества факторов. Неблагоприятные экономические условия могут привести к предпочтению дочерей, поскольку они рассматриваются как лучшая репродуктивная инвестиция (Durante et al. 2015). Это исследование основано на теории эволюционной биологии, предполагающей, что инвестиции в потомство женского и мужского пола зависят от наличия ресурсов. Анализ данных, полученных с помощью экспериментального плана, доказывает, что плохие экономические условия благоприятствуют распределению ресурсов дочерям, а не сыновьям, в частности, способствуют тому, чтобы больше вкладываться в образование дочерей, выбирать для них заведомо полезную и перспективную внеклассную деятельность, завещать им больше семейных активов. Предполагается, что это происходит потому, что расходы на детей представляют собой репродуктивные инвестиции и что относительная репродуктивная ценность мальчиков и девочек варьируется в зависимости от экономических условий. Подтверждая эту точку зрения, представления о том, у какого ребенка будет больше детей, статистически опосредуют влияние экономических условий на предпочтения девочек. Эффект лишь усиливается по мере приближения ребенка к репродуктивному возрасту и смягчается индивидуальными различиями (неприятием риска, моногамией).

Гипотеза о неоднородности распределения ресурсов между детьми подтверждается многочисленными исследовательскими изысканиями (Behrman, Pollak, Taubman 1986; Lundberg, Rose 2002; Нав, Yeung 2015), согласно которым материальные ограничения, социально-экономический статус семьи, профессия, образование родителей, гендерные нормы и изменения в них формируют предпочтение поддержки девочек или, напротив, мальчиков и определяют дальнейшие трансферты. Например, данные 60-го цикла Индийского национального выборочного обследования показали, что домохозяйства, которые сталкиваются с жесткими ограничениями бюджета, с большей вероятностью в случае необходимости потратят свои небольшие ресурсы на госпитализацию мальчиков, а не девочек. Разрыв в использовании доходов и сбережений

домохозяйств в целях обеспечения платной стационарной медицинской помощи относительно невелик, в то время как гендерный разрыв в вероятности госпитализации и использовании более обременительных стратегий финансирования очень высок – вероятность госпитализации мальчиков за счет кредитов, продажи активов, помощи друзей и так далее значительно выше, чем у девочек, при этом гендерный разрыв усиливается по мере перехода от самых богатых домохозяйств к самым бедным (Asfaw, Lamanna, Klasen 2010).

Польские исследователи, используя данные Национального обследования бюджета домохозяйств (Polish Household Budget Survey), продолжают исследовать дифференцированную природу семейных расходов на детей разного пола и возраста (Karbownik, Muck 2016). Наличие старшего ребенка-дочери по сравнению с первенцем-сыном увеличивает уровень расходов домохозяйства на детскую и взрослую женскую одежду (на 6 и 7,2% соответственно), но снижает расходы на активное времяпрепровождение – игры, игрушки и хобби (примерно на 13,4%). Это может быть отражением чистой гендерной предвзятости со стороны родителей или отражением гендерной взаимодополняемости расходов родителей на детей. Авторы не находят убедительных доказательств гендерных различий в инвестициях в образование (измеряемых расходами на детские сады). Однако проанализированные структуры расходов позволяют предположить, что родители в Польше уделяют больше внимания внешнему виду девочек и отдают предпочтение мальчикам в отношении занятий и игр, что может иметь последствия во взрослой жизни (Blau, Currie 2006) и способствовать сохранению гендерного неравенства и стереотипов.

Корнрих и Фурстенберг используют данные Исследования потребительских расходов, чтобы изучить, как изменялись траты в течение тридцати лет (с начала 1970-х до конца 2000-х), уделяя особое внимание неравенству в родительских инвестициях в детей (Kornrich, Furstenberg 2013). Так, инвестиции в детей мужского и женского пола существенно изменились: в начале 1970-х годов домохозяйства, в которых были только дети женского пола, тратили значительно меньше, чем родители в домохозяйствах, в которых были только дети мужского пола; но к 1990-м годам расходы выровнялись; и к концу 2000-х годов девочки, похоже, получили преимущество (в связи с увеличением социально-экономических возможностей, возможностей трудоустройства для женщин, лучшими образовательными результатами среди девушек по сравнению с юношами). Академические достижения и дисциплинированный подход в обучении, несомненно, имеют вес в обеспечении родительской помощью. В статье А.Р. Бессуднова и В.Р. Малик отмечается заметное гендерное и социально-экономическое неравенство при выборе образовательной траектории после 9-го класса. 61% девушек и 53% юношей переходят из 9-го класса в 10-й, остальные уходят в систему профессионального образования. Еще сильнее выражено социально-экономическое неравенство. 87% детей, родители которых имеют высшее образование, поступают в 10-й класс. Для детей, у родителей которых нет высшего образования, этот показатель составляет 47% (Бессуднов, Малик 2016).

Наконец, изменилась форма родительского вклада в течение жизни детей. До 1990-х годов родители тратили больше всего на детей подросткового возраста. Однако после 1990-х годов расходы были наибольшими, когда дети были в возрастах до 6 и около 20 лет (авторы обуславливают такое распределение ростом трат на ежедневный

уход в раннем возрасте, а также на высшее образование, что можно оценивать как прямое вложение в социальный капитал ребенка) (Kornrich, Furstenberg 2013).

Тем не менее анализ уровня жизни семей с точки зрения возраста детей показывает, что присутствие детей старших возрастов (14-18 лет) не только не уменьшает, а даже несколько увеличивает риск бедности. Если для всей совокупности семей с детьми уровень бедности равен 28%, то для семей со старшими школьниками он составляет 31%, а денежные доходы и расходы таких семей на 10% ниже, чем в среднем по совокупности. Разбиение семей со старшими школьниками на более мелкие группы (по два года) практически не влияет на показатели доходов, потребления и бедности, а различия между выделенными группами минимальны. Если же сравнивать уровень доходов семей с детьми в возрасте до 17 лет (последний год, на который распространяется право на социальную поддержку) и старше 17 лет (когда социальную помощь не предполагается оказывать), то данные обследования показывают чуть более низкий уровень доходов семей в группе со старшими детьми (Корчагина, Прокофьева 2022).

В связи с вышесказанным авторы ставят своей задачей исследовать, насколько возраст и пол ребенка являются значимыми факторами, обуславливающими расходы семьи: так, в девочек могут вкладываться больше, чем в мальчиков (особенно в период экономической нестабильности, кризисов), в частности, в дополнительное образование первых, что в свою очередь говорит о формировании уже в подростковом возрасте гендерного неравенства образовательных траекторий (где девочки больше и дольше учатся); с возрастом ребенка также скорее увеличиваются траты на него, однако государственная поддержка семей с детьми при этом снижается.

Как отмечается в одной из значимых работ в экономике по детскому благополучию, ранние инвестиции в человеческий капитал повышают продуктивность последующих инвестиций, однако в случае отсутствия последних ранние инвестиции не будут продуктивными вовсе (Синга, Нескман 2007). Данные, полученные в результате более позднего исследования, подтверждают тезис о необходимости инвестиций государства в человеческий капитал, начиная с раннего детства, при этом необходимо не перераспределение, а именно предварительное распределение ресурсов (Conti, Neckmann 2012: 58).

Таким образом, воспитание несовершеннолетних детей, несомненно, оказывает воздействие на снижение семейного материального благополучия. Одновременно с тем именно эти расходы являются важнейшими инвестициями в социальный капитал, залогом его благоприятных эффектов как для мальчиков, так и для девочек и не ограничиваются некоторым возрастным периодом, а продолжают на протяжении всего взросления. Недостаток вложения средств в ребенка, риск депривации в образовании, здравоохранении и прочих видах услуг в семье с детьми может препятствовать экономическому росту страны, общественному и культурному развитию.

Описание базы данных исследования и методология

В статье проанализированы данные, собранные в ходе онлайн-опроса родителей детей 10-17 лет. Опрос проведен весной 2022 г. Центром полевых исследований ИНСАП РАНХиГС при поддержке Фонда Тимченко. Опрашивали родителей восьми регионов страны: Алтайского края, Калининградской, Ленинградской, Тамбовской, Ульяновской областей, Республик Башкортостан и Карелия, ХМАО-Югра. Выборка была административной,

ее строили для каждого региона. Генеральной совокупностью являлись родители, имеющие хотя одного ребенка в возрасте 10-17 лет и постоянно проживающие в указанных регионах. Вопросы также задавали о ребенке 10-17 лет, если в семье было несколько детей этой возрастной группы, то респондент отвечал про старшего ребенка. Региональная выборка стратифицированная, в качестве страты выбирали муниципальный район и города регионального значения, исключали ЗАТО. Ссылку на онлайн-опрос передавали родителям учителя школ через родительские чаты. Проходить опрос могли не только родители, но и бабушки, дедушки или другие родственники, воспитывающие детей указанного возраста.

Общая выборка составила 115 115 анкет (115 тыс. 115 анкет). Для текущего анализа мы отобрали респондентов, ответивших на как минимум один вопрос о расходах на ребенка. Подвыборка составила 100 397 человек. 70% респондентов проживают в городе, 30% – в селе. По размеру домохозяйства распределены следующим образом: 8% указали, что живут вдвоем, 29% – втроем, 40% – вчетвером, 23% – впятером и более. У 42% респондентов один ребенок, у 40% – двое детей, у 17% – трое и более детей (также 1% респондентов некорректно указали число детей). С партнером проживают 78% респондентов, остальные 22% респондентов не указали партнера в карточке домохозяйств. В 12% домохозяйствах живут дедушки и/или бабушки.

В данном исследовании мы ставили следующую задачу: рассмотреть и выявить особенности расходов домохозяйств на дополнительное образование и здоровье в разрезе пола и возраста ребенка. Сумму расходов на дополнительное образование и здоровье ребенка мы рассматриваем относительно регионального прожиточного минимума (п.м.), что объясняется необходимостью нивелировать региональные различия в уровне доходов домохозяйств разных регионов.

Расходы домохозяйств на дополнительное образование на детей в возрасте 10-17 лет

Для анализа использована простая линейная регрессия (таблица 1). В качестве зависимой переменной взято отношение трат на дополнительное образование ребенка к региональному прожиточному минимуму от 0,54 и выше. Модель контролировали на пол респондента, тип населенного пункта, регион проживания (референтная группа – Ленинградская область), пол и возраст ребенка (референтная группа 14-17 лет). Также в качестве независимых предикторов использованы переменные: наличие высшего образования у респондента (родителя или опекуна), проживание с бабушкой/дедушкой, размер домохозяйства (референтная группа – пять и более человек), число детей (референтная группа – трое и более детей), наличие члена семьи с инвалидностью, оценка материального положения (референтная группа – оценка выше среднего ¹), успеваемость ребенка (референтная группа – двоечник-троечник).

¹ Низкая оценка: «Денег не хватает даже на еду» и «На еду денег хватает, но покупать одежду затруднительно»

Оценка ниже среднего: «Денег хватает на еду и одежду, но на более крупные покупки (смартфон, компьютер, телевизор) не хватает»

Средняя оценка: «Денег хватает на крупные покупки и отдых, но покупка автомобиля недоступна»

Оценка выше среднего: «Могли бы купить автомобиль, но покупка квартиры / дома недоступна» и «Денег достаточно, чтобы купить все, что считаем нужным».

Анализ показал, что траты на дополнительное образование девочек выше, чем мальчиков². С возрастом эти траты повышаются. Наличие высшего образования самого респондента также является детерминантой высоких трат на дополнительное образование ребенка. Также они выше, если семья респондента проживает вместе с бабушками или дедушками. При этом в семьях из двух, трех или четырех человек эти траты на ребенка выше, чем в семьях из пяти и более человек. В семьях респондентов с более низкими оценками материального положения они ниже. Однако число детей не влияет на траты на дополнительное образование старшего из них. Мы также видим, что этот вид трат выше, когда ребенок хорошист или отличник.

Таблица 1. Результаты регрессионного анализа: корреляция с отношением трат на дополнительное образование ребенка к региональному прожиточному минимуму

Зависимая переменная: отношение трат на дополнительное образование ребенка к региональному прожиточному минимуму от 0,54 и выше (от 5 тыс. рублей)	
	B
Константа	0,090 [0,006]
Женщины	-0,005 [0,004]
Девочки	0,012*** [0,002]
10-13 лет	-0,047*** [0,002]
Город	0,054*** [0,002]
Живут вместе с бабушками/дедушками	0,007** [0,003]
Есть высшее образование	0,071*** [0,002]
В домохозяйстве два человека	0,020*** [0,005]
В домохозяйстве три человека	0,015*** [0,004]
В домохозяйстве четыре человека	0,010*** [0,004]
Один ребенок	0,004 [0,004]
Двое детей	-0,004 [0,004]
Есть член семьи с инвалидностью (в т. ч. ребенок)	0,027*** [0,005]
Низкая оценка мат.положения	-0,031*** [0,003]
Ниже среднего оценка	-0,049*** [0,003]
Средняя оценка мат.положения	-0,026*** [0,003]
Отличник/Хорошист	0,015***

² К высоким тратам относятся траты в размере от 5 тыс. рублей (что в некоторых регионах эквивалентно чуть более 40% регионального прожиточного минимума) и выше.

Зависимая переменная: отношение трат на дополнительное образование ребенка к региональному прожиточному минимуму от 0,54 и выше (от 5 тыс. рублей)

	В
	[0,002]
Алтайский край	-0,036*** [0,004]
Калининградская область	0,014** [0,006]
Республика Башкортостан	0,017*** [0,004]
Республика Карелия	-0,025*** [0,006]
Тамбовская область	-0,044*** [0,005]
Ульяновская область	-0,020*** [0,004]
ХМАО-Югра	0,045*** [0,005]
Наблюдений	10397
R-квадрат	0,045

Примечание: Уровни значимости: *** – $p < 0,01$; ** – $p < 0,05$; * – $p < 0,10$.

Что касается регионов, то в Алтайском крае, Республике Карелия, Тамбовской и Ульяновской областях траты на дополнительное образование ребенка ниже, чем в Ленинградской области, а в Калининградской области, Республике Башкортостан и ХМАО-Югре, напротив, выше. Почти треть респондентов в каждом регионе указывает, что ежемесячные расходы на дополнительное образование ребенка составляют менее 1 тыс. рублей, при этом в Тамбовской области доля респондентов с такими расходами доходит почти до 40% (таблица 2). Еще пятая часть респондентов почти во всех регионах указывает траты в 3 тыс. рублей. Наибольшая доля респондентов, траты на дополнительное образование ребенка которых превышают 10 и 20 тыс. рублей, наблюдается в ХМАО, Калининградской области и Республике Башкирия.

Таблица 2. Распределение ответов респондентов о расходах на дополнительное образование (в том числе на спортивные секции) ребенка в месяц в разных регионах, %

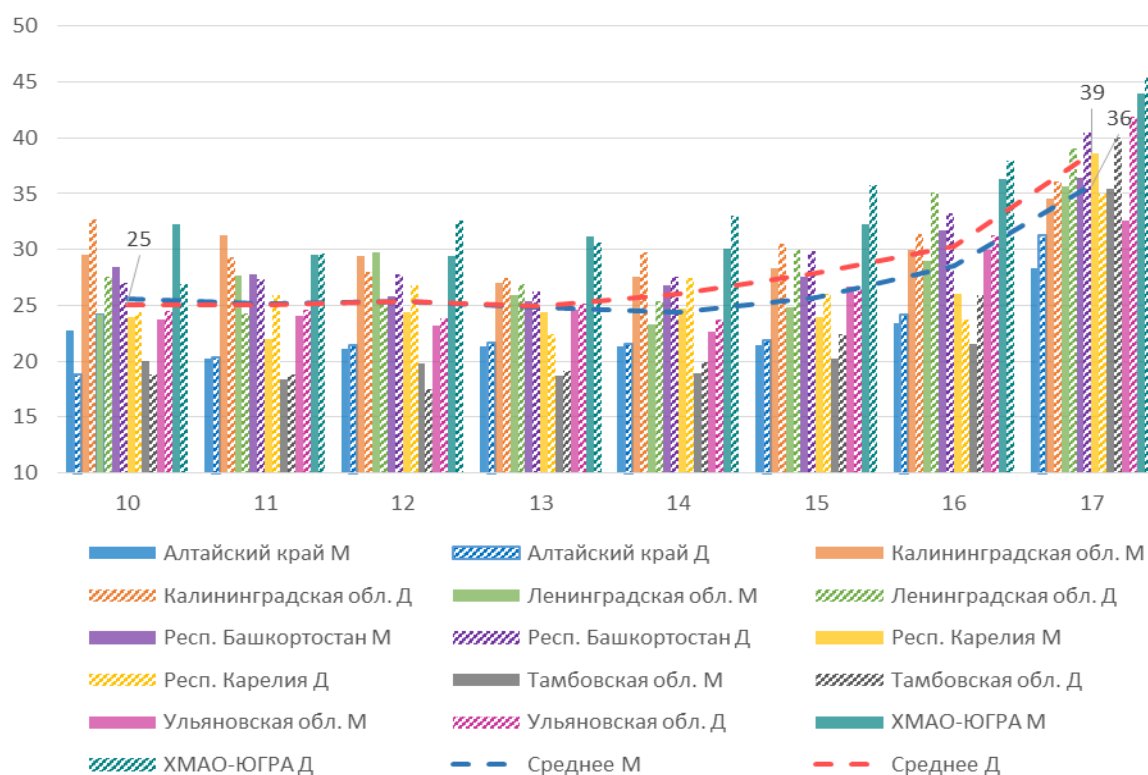
	Алтайский край	Калининградская обл.	Ленинградская обл.	Респ. Башкортостан	Респ. Карелия	Тамбовская обл.	Ульяновская обл.	ХМАО-Югра
Менее 1 тыс. руб.	33,8	25,4	29,4	27,1	28,9	38,3	28,3	25,9
Примерно 3 тыс. руб.	21,1	20,3	18,8	21,5	20,1	21,0	22,9	16,4
Примерно 5 тыс. руб.	14,4	18,9	17,6	16,7	15,9	12,8	17,8	19,3
Примерно 10 тыс. руб.	5,9	10,7	10,1	10,3	8,3	6,2	8,6	13,9
Примерно 20 тыс. руб.	1,1	2,3	1,9	2,3	1,5	1,2	1,5	3,8
Более 20 тыс. руб.	0,6	1,3	1,3	1,6	1,1	0,8	0,7	2,1
Затрудняюсь ответить	23,2	21,0	20,9	20,5	24,2	19,8	20,1	18,7

Уровень цен на образовательные услуги в рассматриваемых нами регионах различен. Так, в 2022 г. в пяти из рассматриваемых регионов средняя за год стоимость академического часа дополнительного занятия в государственных и муниципальных

общеобразовательных организациях очной формы обучения была ниже среднероссийского уровня (например, в Тамбовской области она составила 47,2% от среднероссийского показателя)³. Тогда как стоимость этой образовательной услуги в Республике Карелия, Калининградской области и в ХМАО составила от среднероссийского уровня 104, 160 и 256% соответственно. Схожая ситуация наблюдается и со стоимостью академического часа занятия на курсах иностранных языков, которая в 2022 г. превысила среднероссийский уровень в Ленинградской области на 5,2%, в Республике Карелия на 24%, в ХМАО на 114%.

Траты на дополнительное образование ребенка во всех рассматриваемых регионах значительно увеличиваются с возрастом, разница между уровнем трат на 10- и 17-летнего ребенка составила в среднем 12 п.п. (рисунок 1). При этом заметны некоторые региональные различия, стабильно высокие траты на дополнительное образование детей в разных возрастах наблюдаются в ХМАО (в среднем 34% от регионального прожиточного минимума), Калининградской области и Республике Башкортостан (в среднем по 30 и 29% от регионального прожиточного минимума соответственно).

Рисунок 1. Средние траты на дополнительное образование по полу и возрасту ребенка в восьми регионах относительно регионального прожиточного минимума, %

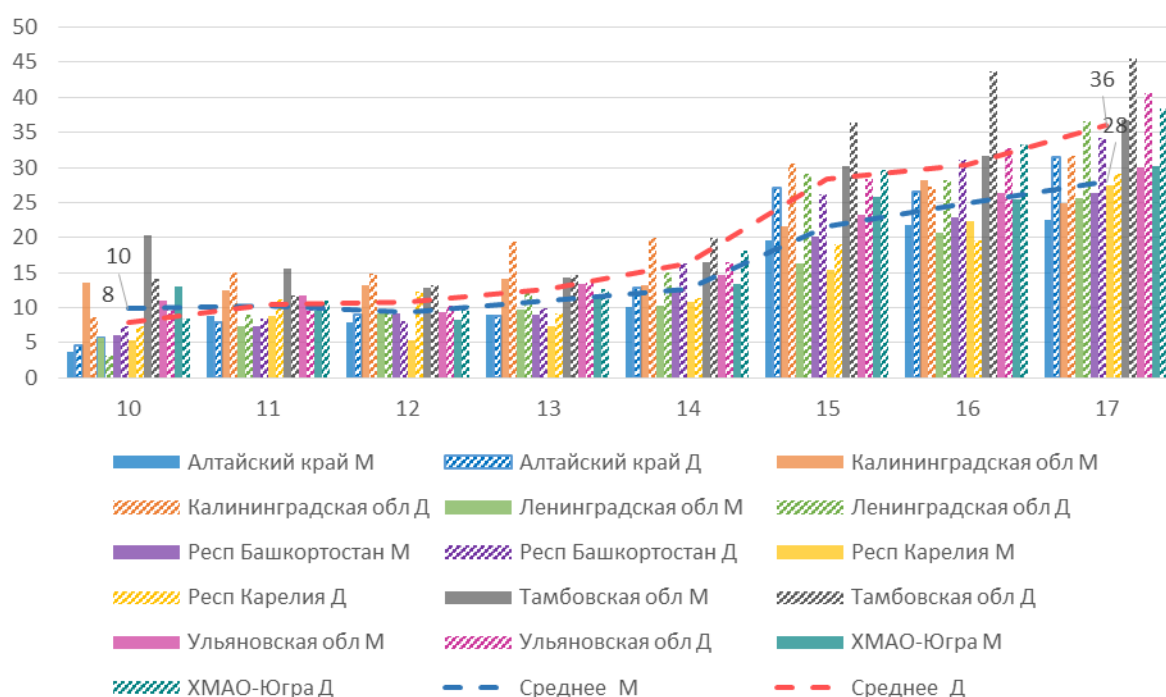
Источник: Расчеты авторов.

Кроме того, заметны различия в тратах в зависимости от пола ребенка. Так, рост расходов на дополнительное образование девочек с 10 до 17 лет составил в среднем по

³ По данным ЕМИСС/Средние потребительские цены (тарифы) на товары и услуги. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31448> (дата обращения 06.02.2024).

восьми регионам 14 п.п., на мальчиков – 10 п.п. При этом наблюдается разная динамика по регионам. В Тамбовской области отмечен наибольший рост расходов на образование девочек – 21 п.п., в Калининградской области – наименьший (+3 п.п.), однако стоит отметить, что в последней высокие траты на дополнительное образование во всех рассматриваемых возрастах. Наибольший рост расходов на дополнительное образование молодого человека 17 лет был в Республике Карелия и Тамбовской области (+15 п.п. в каждом субъекте), наименьший – также в Калининградской области, однако этот показатель выше по сравнению с девушками (+5 п.п.). На дополнительное образование 17-летней девушки в среднем по рассматриваемым регионам уходит сумма, эквивалентная 39% регионального прожиточного минимума (п.м.), наибольшая сумма – в ХМАО (45% регионального п.м.), также высокие траты в Ульяновской области (42% от регионального п.м.), Тамбовской области и Республике Башкирии (по 40% региональных п.м.). Резкое увеличение расходов на дополнительное образование можно объяснить подготовкой детей к поступлению в ВУЗы. Кроме того, можно предположить о существовании «компенсаторного эффекта» вклада домохозяйств в образование, в частности, в тех регионах, где в младших возрастах не наблюдалось высоких расходов на дополнительное образование.

Рисунок 2. Распределение детей, посещающих дополнительные занятия по школьным предметам (в том числе подготовка к экзаменам, поступлению, занятия с репетитором) в восьми регионах, по возрасту и полу, %

Источник: Расчеты авторов.

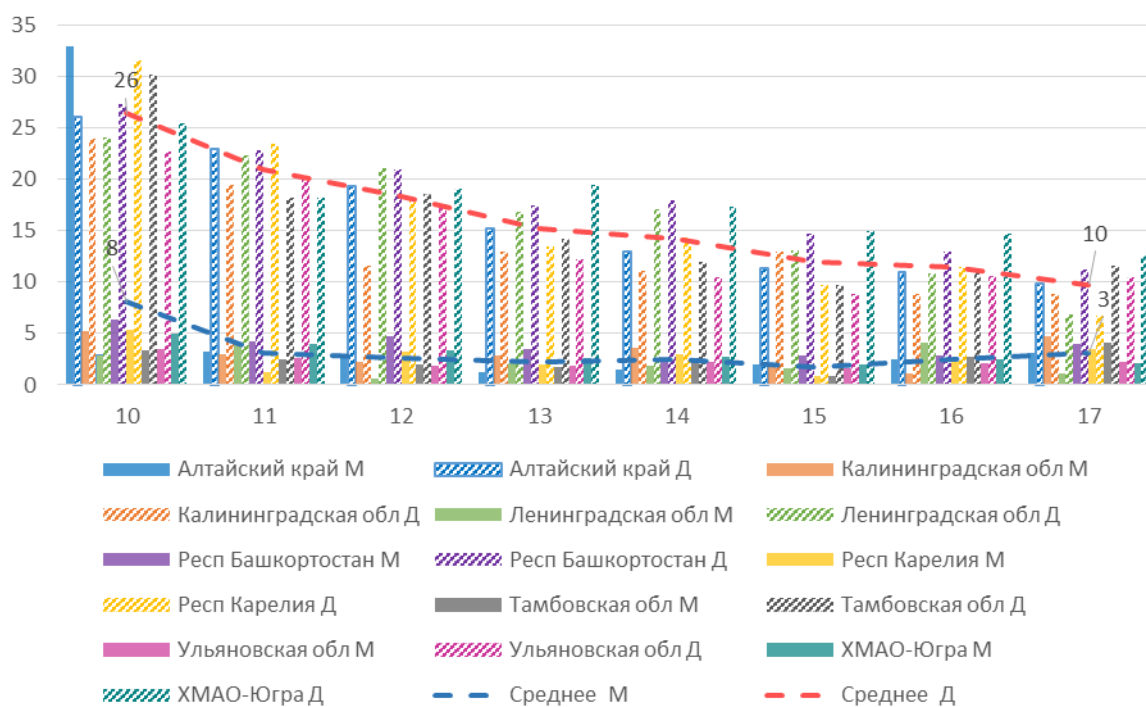
Более высокие расходы на дополнительное образование девочек можно объяснить отчасти тем, что девочки, по сравнению с мальчиками, с возрастом оказываются больше включены в систему дополнительного образования. Это также подтверждается в других исследованиях (Бессуднов, Малик 2016; Богданов, Малик 2020). В частности, если в 10-летнем возрасте в среднем по всем регионам дополнительные занятия по школьным

предметам посещали лишь 8% девочек, то в 17-летнем возрасте – уже 36%, у мальчиков эти показатели составляют 10 и 28% соответственно (рисунок 2). При этом, если в более младших возрастах дополнительные занятия по школьным предметам больше посещают мальчики, то уже начиная с 13-летнего возраста увеличивается доля девочек.

Что касается других образовательных занятий, то при равной доле мальчиков и девочек, посещающих занятия по иностранным языкам в более младших возрастах, с возрастом также наблюдается смещение в пользу девочек (см. рисунок П1 Приложения).

Наиболее явное смещение доли посещающих учреждения дополнительного образования в пользу девочек выявлено на примере творческих занятий. Так, доля девочек, посещающих занятия по танцам, в среднем по регионам в 3 раза превышает долю мальчиков. При этом такая пропорция сохраняется на протяжении всех рассматриваемых нами возрастов (рисунок 3).

Рисунок 3. Распределение детей, посещающих занятия по танцам в восьми регионах, по возрасту и полу, %

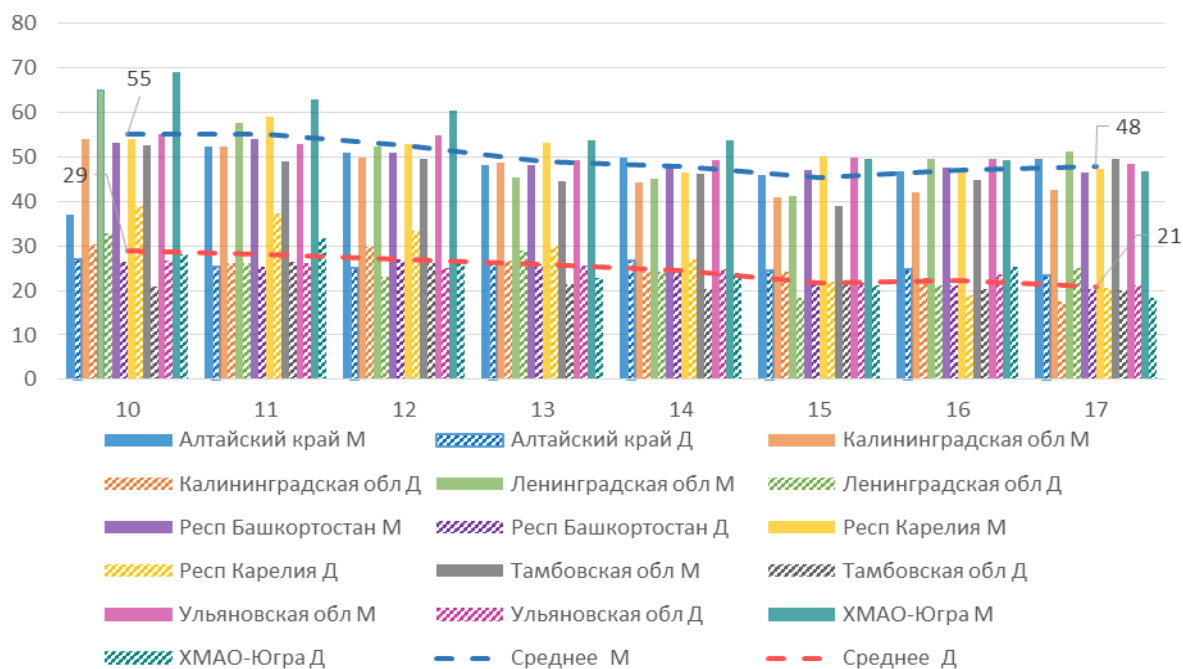
Источник: Расчеты авторов.

В занятиях музыкой, пением и театрах более явная разница между мальчиками и девочками в пользу последних наблюдается с 11-летнего возраста, доля девочек, посещающих такие занятия, в 2 раза превышает долю мальчиков, что сохраняется до 17-летнего возраста (см. рисунок П2 Приложения). Аналогичная тенденция и в занятиях рисованием и лепкой: доля девочек более чем в 4 раза превышает долю мальчиков (см. рисунок П3 Приложения).

При этом среди детей, посещающих спортивные занятия, пропорция меняется в обратную сторону. Большинство мальчиков 10-11 лет занимаются спортом, однако с возрастом эта доля снижается (с 55% в 10 лет до 48% в 17 лет в среднем по регионам), тогда как среди девочек это почти треть в более младших возрастах и лишь 21% в 17-летнем

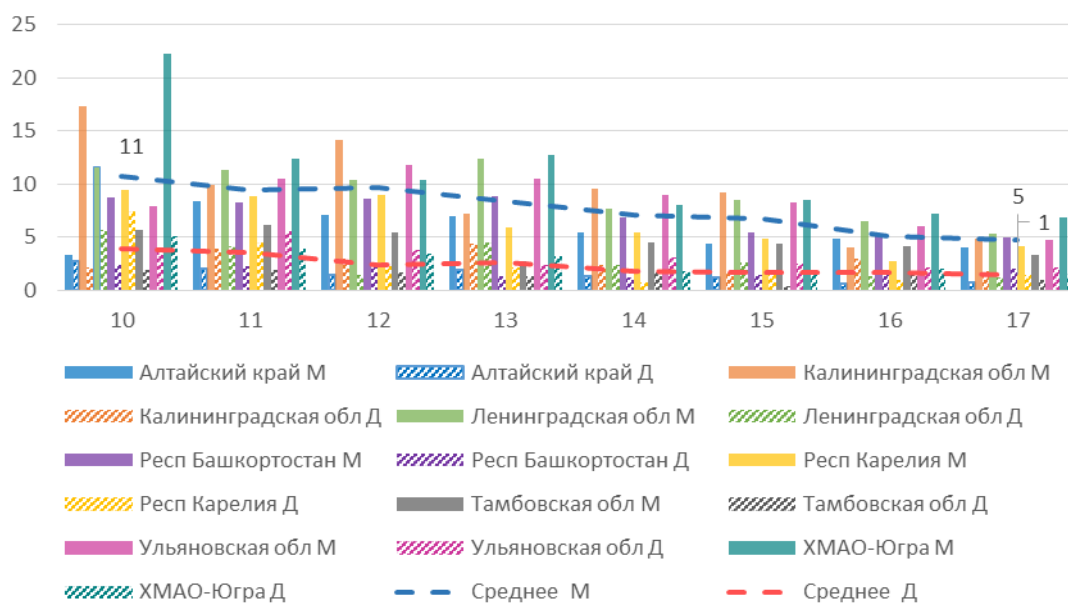
возрасте в среднем по регионам (рисунок 4). «Недопредставленность» девочек в спорте может быть связана с гендерными стереотипами, что также проявляется в более высокой доле девочек, посещающих творческие кружки и дополнительные занятия по школьным предметам.

Рисунок 4. Распределение детей, посещающих спортивные занятия в восьми регионах, по возрасту и полу, %

Источник: Расчеты авторов.

Рисунок 5. Распределение детей, посещающих занятия по робототехнике и программированию в восьми регионах, по возрасту и полу, %

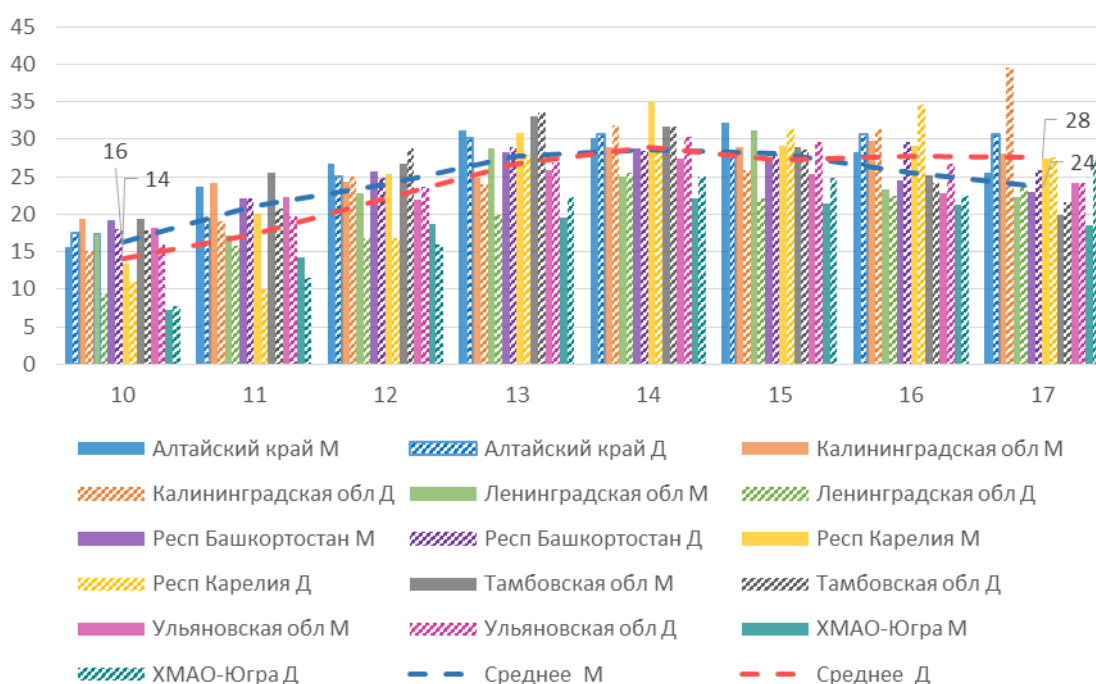

Источник: Расчеты авторов.

Похожее гендерное распределение наблюдается и в занятиях робототехникой и программированием (рисунок 5). В среднем по рассматриваемым регионам в 10-летнем возрасте доля мальчиков, посещающих такие занятия, более чем в 2 раза выше доли девочек. В некоторых регионах доля мальчиков превосходит долю девочек в более чем 7 раз (Калининградская область) и в 4 раза (ХМАО).

При этом мы наблюдаем, что доля детей, не посещающих никаких занятий, достигает своего пика в возрастном интервале 13-15 лет (рисунок 6). Отчасти это можно объяснить тем, что к 15 годам у части детей заканчивается обучение в музыкальных, художественных и других школах дополнительного образования. Однако мы видим снижение доли мальчиков, не посещающих никаких занятий, что может быть связано с началом активной подготовки к поступлению в ВУЗы. Увеличение доли девочек, не посещающих никаких занятий, вероятно, может быть связано с различиями в бюджете времени и временных трат на учебу, работу по дому. Кроме того, увеличение доли детей, не посещающих никаких занятий, может быть связано с поступлением части из них в среднеспециальные учебные заведения.

Рисунок 6. Распределение детей, не посещающих никаких занятий в восьми регионах, по возрасту и полу, %

Источник: Расчеты авторов.

По данным обследования видно, что существует довольно явное распределение девочек и мальчиков по определенным видам и профилям дополнительного образования: значительное число мальчиков посещает занятия спортивные и связанные с технической сферой (программирование и робототехника), тогда как девочки больше включены в творческие направления (музыка, рисование, танцы) и дополнительные занятия по школьным предметам.

Расходы домохозяйств на здоровье детей в возрасте 10-17 лет

Для анализа использована простая линейная регрессия (таблица 3). В качестве зависимой переменной взято отношение трат на здоровье ребенка к региональному прожиточному минимуму от 0,54 и выше. Модель контролировали на пол респондента, тип населенного пункта, регион проживания (референтная группа – Ленинградская область), пол и возраст ребенка (референтная группа 14-17 лет). Также в качестве независимых предикторов использованы переменные: наличие высшего образования у респондента (родителя или опекуна), проживание с бабушкой/дедушкой, размер домохозяйства (референтная группа – пять и более человек), число детей (референтная группа – трое и более детей), оценка материального положения (референтная группа – оценка выше среднего ⁴), наличие у ребенка инвалидности, здоровье ребенка (референтная группа – болел за год реже 5 раз или не болел), питание ⁵ ребенка (референтная группа – плохое питание, выбрал до 1-3 позиции из списка продуктов ⁶), занятие спортом.

Анализ показал, что траты на здоровье девочек выше, чем на здоровье мальчиков ⁷. С возрастом эти траты повышаются. Наличие инвалидности у ребенка и частых болезней в течение года является детерминантами более высоких трат. При этом, если ребенок занимается спортом, траты на его здоровье ниже, а вот хорошее питание не коррелирует с тратами на здоровье. В семьях с самой низкой оценкой материального положения траты на здоровье ребенка не отличаются от этих трат в семьях с оценкой выше среднего. Однако в семьях со средней оценкой материального положения и оценкой ниже среднего траты на здоровье ребенка ниже, чем в семьях с оценкой выше среднего.

⁴ Низкая оценка: «Денег не хватает даже на еду» и «На еду денег хватает, но покупать одежду затруднительно»

Оценка ниже среднего: «Денег хватает на еду и одежду, но на более крупные покупки (смартфон, компьютер, телевизор) не хватает»

Средняя оценка: «Денег хватает на крупные покупки и отдых, но покупка автомобиля недоступна»

Оценка выше среднего: «Могли бы купить автомобиль, но покупка квартиры / дома недоступна» и «Денег достаточно, чтобы купить все, что считаем нужным».

⁵ В опрос был включен вопрос о том, какие продукты принимал в пищу ребенок за последнюю неделю: свежие овощи, свежие фрукты, молочные, кисломолочные продукты, мясо, рыбу, сладости (конфеты, пирожные и тому подобное) или ничего из перечисленного. Если из указанного списка было выбрано хотя бы 4 позиции, то мы считаем питание ребенка хорошим.

⁶ Вопрос сладостей (snacks/sugar snacks) в полноценной системе питания ребенка остается пока открытым – с одной стороны, мы не можем исключать этот компонент, исходя из предложенных зарубежными исследователями концептов the nutritional needs of children или desired nutrition, важных для социального самочувствия ребенка; с другой стороны, сладости, безусловно, связаны с переизбытком, перенасыщением ими может становится причиной избыточной массы тела, способной вызывать прочие проблемы детского здоровья, соответственно их потребление должно в серьезном, ответственном порядке регулироваться родительским участием (Fazrin, Daha 2022).

⁷ К высоким тратам относятся траты в размере от 5 тыс. рублей (что в некоторых регионах эквивалентно чуть более 40% регионального прожиточного минимума) и выше.

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа: корреляция с отношением трат на здоровье ребенка к региональному прожиточному минимуму

Зависимая переменная: отношение трат на здоровье ребенка к региональному прожиточному минимуму от 0,54 и выше (от 5 тыс. рублей)	
	В
Константа	0,070 [0,005]
Женщины	0,003 [0,003]
Девочки	0,008 *** [0,002]
10-13 лет	-0,012 *** [0,002]
Город	0,001 [0,002]
Живут вместе с бабушками/дедушками	0,013 *** [0,003]
Есть высшее образование	0,002 [0,002]
В домохозяйстве два человека	0,004 [0,004]
В домохозяйстве три человека	0,007 ** [0,003]
В домохозяйстве четыре человека	0,002 [0,003]
Один ребенок	-0,006 * [0,003]
Двое детей	-0,007 ** [0,003]
Низкая оценка	0,002 [0,003]
Ниже среднего оценка	-0,022 *** [0,002]
Средняя оценка	-0,019 *** [0,003]
Алтайский край	-0,015 *** [0,003]
Калининградская область	0,001 [0,004]
Республика Башкортостан	0,010 *** [0,003]
Республика Карелия	-0,020 *** [0,005]
Тамбовская область	-0,008 ** [0,004]
Ульяновская область	-0,006 * [0,003]
ХМАО-Югра	0,018 *** [0,004]
У ребенка инвалидность	0,303 *** [0,006]
Болеет 5 и более раз	0,086 *** [0,003]
Хорошо питается	-0,002 [0,002]

Зависимая переменная: отношение трат на здоровье ребенка к региональному прожиточному минимуму от 0,54 и выше (от 5 тыс. рублей)

	B
Занимается спортом	-0,003 ** [0,002]
Наблюдений	10397
R-квадрат	0,040

Примечание: Уровни значимости: *** – $p < 0,01$; ** – $p < 0,05$; * – $p < 0,10$.

Во всех рассматриваемых регионах наибольшая доля респондентов расходует менее 1 тыс. руб. в месяц на здоровье ребенка (таблица 4). В большинстве из рассматриваемых регионов траты респондентов в этой категории не превышают 5 тыс. руб. Наибольшая доля респондентов с высокими тратами (более 10 и 20 тыс. руб.) на здоровье ребенка, так же, как и в случае высоких трат на дополнительное образование, наблюдается в ХМАО, Калининградской области и Республике Башкирия.

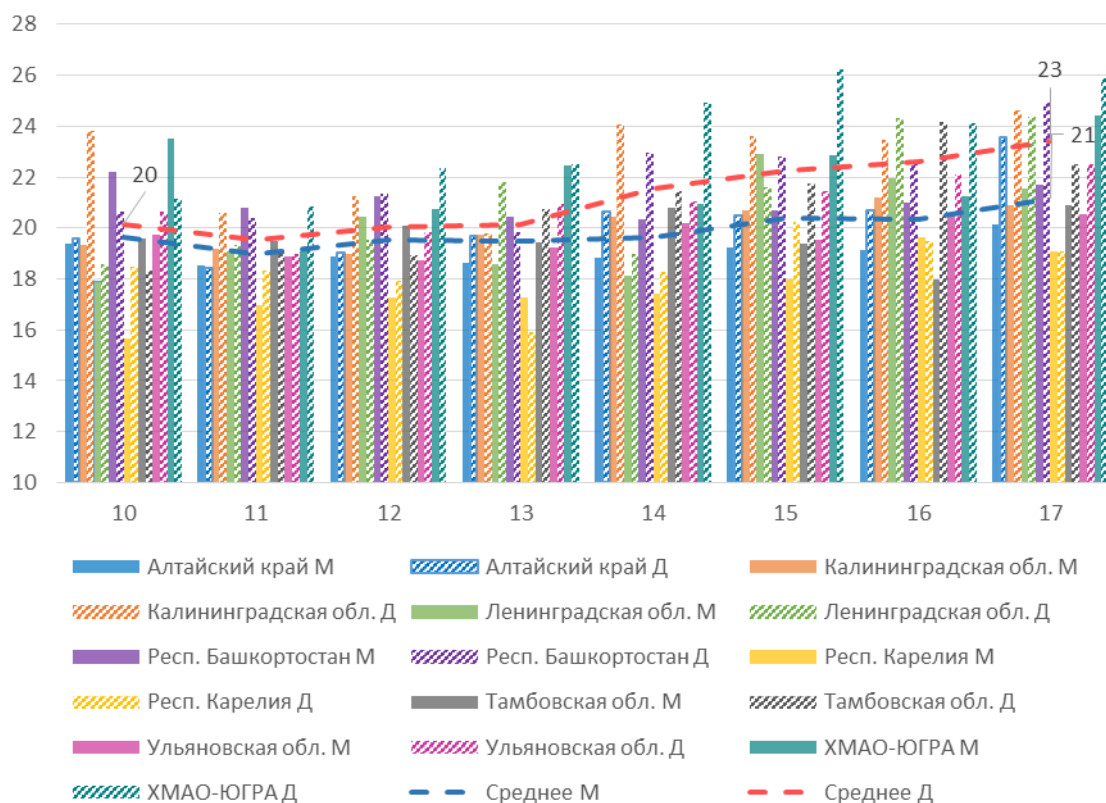
Таблица 4. Распределение ответов респондентов о расходах на здоровье ребенка в месяц в разных регионах, %

	Алтайский край	Калининградская обл.	Ленинградская обл.	Респ. Башкортостан	Респ. Карелия	Тамбовская обл.	Ульяновская обл.	ХМАО-Югра
Менее 1 тыс. руб.	40,6	39,4	39,6	39,6	46,3	39,6	41,0	35,8
Примерно 3 тыс. руб.	30,2	26,3	26,4	27,6	23,8	28,7	27,9	27,6
Примерно 5 тыс. руб.	12,6	13,6	12,1	13,6	11,2	12,8	13,0	15,1
Примерно 10 тыс. руб.	4,1	4,9	4,8	5,6	3,4	4,6	4,6	6,0
Примерно 20 тыс. руб.	0,8	1,2	1,0	1,1	0,8	0,9	1,0	1,2
Более 20 тыс. руб.	0,6	1,2	0,9	1,0	0,7	0,9	0,7	1,3
Затрудняюсь ответить	11,1	13,4	15,3	11,5	13,9	12,6	11,8	13,2

Ожидаемо, что траты на здоровье увеличиваются с возрастом ребенка. Если в 10-летнем возрасте расходы в этой категории составляют в среднем по рассматриваемым регионам 19,9% от регионального прожиточного минимума в месяц, то на здоровье 17-летнего ребенка – 22,3% (рисунок 7). В среднем по всем возрастам наибольшие расходы наблюдаются в ХМАО (22,7% регионального п.м.), в Республике Башкортостан (21,5%) и в Калининградской области (21,4%), наименьшие траты – в Алтайском крае (19,7%). Вероятно, это связано со снижением уровня здоровья детей по мере их взросления, что отмечается проводимыми диспансеризациями (Баранов и др. 2017).

Заметные различия в уровне расходов на здоровье девочек и мальчиков отмечены с 13-летнего возраста. К концу рассматриваемого нами возрастного интервала расходы на здоровье девочек в среднем по 8 регионам составляют 23,4% от регионального п.м., на мальчиков – 21,2%. Наибольший рост расходов на здоровье девочек с 10 до 17 лет наблюдается в Ленинградской области (+5,8 п.п.), ХМАО (+4,7 п.п.), на здоровье мальчиков – в Ленинградской области (+3,6 п.п.) и в Республике Карелия (+3,4 п.п.).

Рисунок 7. Средние траты на здоровье по полу и возрасту ребенка в восьми регионах относительно регионального прожиточного минимума, %

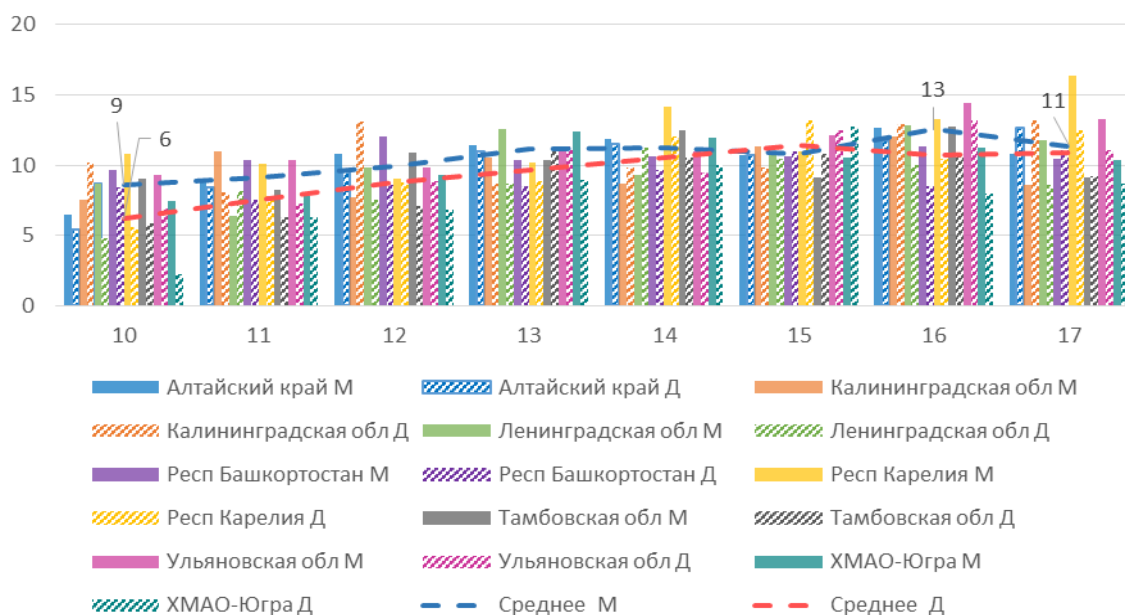

Источник: Расчеты авторов.

С 10 до 13 лет наблюдается большая доля имеющих ограничения по здоровью среди мальчиков по сравнению с девочками (рисунок 8). При этом к 17 годам в среднем по регионам равная доля девочек и мальчиков имеют ограничения по здоровью. Наибольшая доля мальчиков, имеющих ограничения по здоровью, отмечена в возрасте 16 лет – в среднем по регионам 13%. Однако в некоторых регионах высокая доля имеющих ограничения по здоровью сохраняется и среди 17-летних молодых людей – 16% в Республике Карелия и 13% в Ульяновской области.

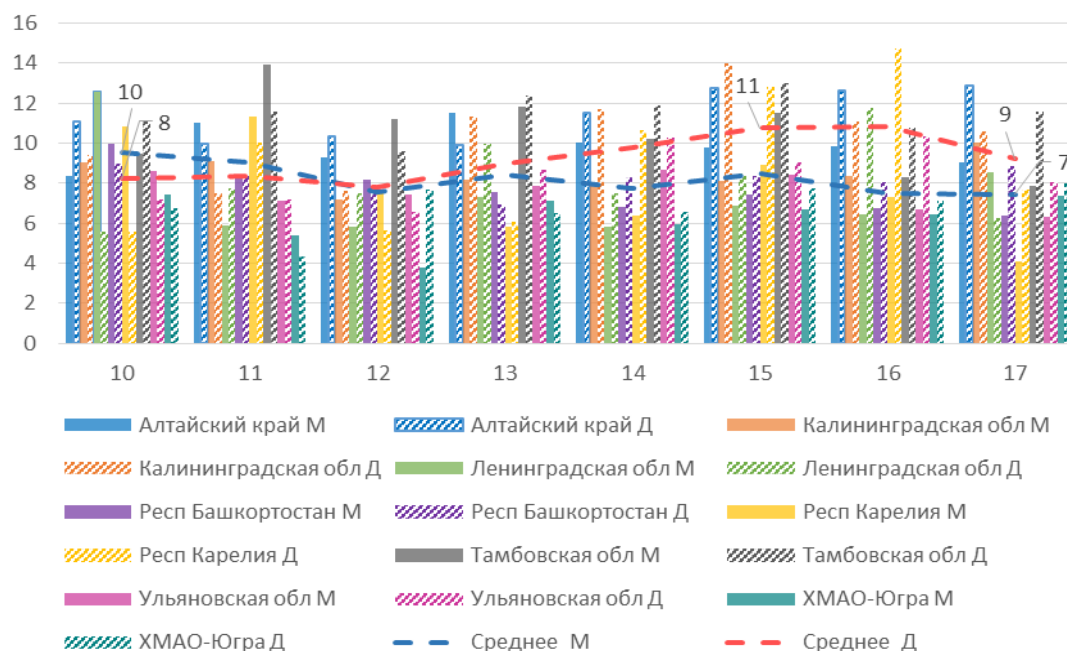
Анализ наличия официально оформленной инвалидности по полу и возрасту в рассматриваемых регионах провести не удалось ввиду малого числа наблюдений в предлагаемом разрезе. Однако в среднем по всем регионам, несмотря на почти равное распределение наличия официальной инвалидности среди мальчиков и девочек в возрасте 10 лет (1,3 и 1,4% соответственно), к 17 годам распределение меняется в сторону девочек: в среднем по регионам 2,6% девочек и 2% мальчиков имеют официально оформленную инвалидность.

Рисунок 8. Распределение детей, имеющих ограничения по здоровью, в восьми регионах по возрасту и полу, %

Источник: Расчеты авторов.

Рисунок 9. Распределение детей, болевших ОРВИ за последний год 5 и более раз в восьми регионах, по возрасту и полу, %

Источник: Расчеты авторов.

Так же, как и в случае ограничений по здоровью, более частые простудные заболевания наблюдаются в младших возрастах у мальчиков, по сравнению с девочками (рисунок 9). Однако после 12 лет распределение смещается в сторону девочек, достигая

максимум к 15-16 годам, когда доля девочек, болевших за прошедший год ОРВИ 5 и более раз, достигает в среднем по регионам 10,8%, тогда как среди мальчиков доля в этом же возрастном интервале в среднем составляет 8%. Более частые болезни могут говорить и о большем внимании к своему здоровью со стороны девочек или их родителей, что косвенно может указывать на формирование определенного паттерна самосохранительного поведения.

Безусловно, расходы на ребенка напрямую связаны с уровнем достатка. При этом сокращение расходов ведет к снижению качества жизни детей: отсутствие дополнительного образования ухудшает оценки в школе, плохое питание коррелирует с плохим здоровьем. Однако наличие у ребенка ограничений по здоровью или инвалидности ожидаемо повышает траты на его медицинское обслуживание. Это снова приводит нас к тому, что в материально уязвимую группу попадают семьи с нездоровыми детьми, за которыми требуется особый уход, лекарства. Зачастую общественных (государственных) расходов на помощь семьям с детьми-инвалидами не хватает в полной мере, в связи с этим финансовая нагрузка, связанная с оплатой соответствующих услуг, ложится на семейный бюджет (Lukemeyer, Meyers, Smeeding 2000; Burton, Phipps 2009). Соответственно, большая материальная помощь должна оказываться семьям с одним кормильцем или семьям с ребенком с ограниченными возможностями здоровья.

Заключение

Повышенное внимание в научных кругах к вопросам детства и благополучия детей в последние годы свидетельствует о том, что данная тема чрезвычайно важна для понимания и оценки уровня жизни этой группы населения. Важным аспектом и составляющей благополучия ребенка является материальное благополучие его семьи. Немаловажной статьёй расходов в семьях, воспитывающих одного и более детей, оказываются траты на детские нужды. Именно в контексте затрат на ребенка материальное благополучие определяется не только как возможность владения определенными материальными благами, но и как элемент в системе жизнедеятельности, оказывающий непосредственное влияние на доступ к дополнительному образованию и спортивным занятиям, на качество питания и состояние здоровья – словом, становится фактором благоприятного социального самочувствия семьи в настоящем и успешного развития ребенка в будущем.

В данной работе было выявлено, что значимыми факторами, повышающими вероятность более высоких расходов на дополнительное образование ребенка, кроме места проживания, субъективной оценки материального положения домохозяйства и наличия у родителей высшего образования, являются состав домохозяйства, а именно число детей и высокая успеваемость в школе. Среди факторов, повышающих вероятность высоких трат на здоровье следует отметить также состав домохозяйства (в частности, проживание со старшим поколением, а также наличие более двух детей в домохозяйстве), низкая оценка материального благополучия, а также наличие у ребенка ограничений по здоровью или официально оформленной инвалидности, частые простудные заболевания и плохой рацион питания. Занятия ребенка спортом снижают вероятность высоких расходов на его здоровье.

Кроме того, мы наблюдаем, что с возрастом ребенка увеличиваются расходы по всем рассматриваемым нами статьям. В частности, при рассмотрении ответов

респондентов о тратах на дополнительное образование ребенка, начиная с его 15-летнего возраста, увеличивается доля ответов о наибольших суммах: «примерно 20 тыс. рублей» и «более 20 тыс. рублей». Это можно объяснить усиленной подготовкой в старших классах к поступлению в высшие учебные заведения. Аналогичная тенденция и в расходах на здоровье ребенка. Однако стоит отметить, что если в случае с расходами на дополнительное образование наблюдалось более равномерное распределение, то расходы на здоровье ребенка вне зависимости от возраста преимущественно не превышают 5 тыс. рублей в месяц.

Пол ребенка, наряду с его возрастом, является значимым фактором уровня расходов на дополнительное образование и здоровье. При рассмотрении распределения по полу детей, посещающих кружки дополнительного образования, было выявлено сильное смещение в пользу девочек в творческих занятиях (музыка, рисование, танцы), а также в дополнительных занятиях по школьным предметам и иностранным языкам. Мальчики значительно чаще девочек посещают спортивные секции и занятия по робототехнике и программированию. В связи с тем, что девочки чаще мальчиков посещают существенно большее количество различных занятий, можно сделать вывод, что девочки зачастую больше мальчиков оказываются включенными в систему дополнительного образования. Это в свою очередь влияет на уровень расходов их родителей на эту сферу. Соотношение стоимости различных кружков остается дискуссионным вопросом, поскольку авторам удалось найти информацию об уровне цен лишь на очень ограниченный перечень образовательных услуг для детей школьного возраста. Кроме того, в этом вопросе существенным фактором может стать регион проживания и доступность таких кружков.

Стоит также отметить, что более низкие расходы на дополнительное образование мальчиков могут быть связаны с тем, что мальчики чаще посещают кружки и секции, предоставляемые на бесплатной основе (например, спортивные секции при общеобразовательном учреждении). Это в свою очередь может влиять на формирование предпочтений при выборе дополнительных занятий для ребенка. Однако проверить это на данных настоящего опроса мы не можем. Кроме того, респондентам не задавали вопросы о том, на какой основе (платной или бесплатной) ребенок посещает те или иные внешкольные занятия.

При рассмотрении расходов на здоровье мы выявили, что если в младших из рассматриваемых нами возрастах большие траты наблюдаются среди родителей мальчиков, то начиная с 13 лет в расходах на дополнительное образование и здоровье появляется дисбаланс в пользу девочек. Более высокие траты на здоровье девочек отчасти могут быть объяснены тем, что к 17-летнему возрасту большая доля девочек по сравнению с мальчиками имеет ограничения по здоровью, а также чаще болеет простудными заболеваниями. Кроме того, наблюдается существенная разница в доле мальчиков и девочек, занимающихся спортом (не в пользу последних), что может быть фактором как более частых простудных заболеваний у девочек, так и более высоких расходов на их здоровье.

Доступ к образованию и хорошее состояние здоровья детей – неотъемлемый вклад в формирование человеческого капитала. В условиях возникновения новых экономических вызовов необходимо обратить особое внимание на поддержку семей с детьми разных возрастов. Кроме того, необходимо разработать эффективные механизмы ее работы, в том числе за счет разработки адресных мер исходя из состава домохозяйства или же из

структуры трат семей с детьми (например, за счет предоставления льгот в учреждениях дополнительного образования).

Литература

- Баранов А.А., Намазова-Баранова Л.С., Терлецкая Р.Н., Байбарина Е.Н., Чумакова О.В., Устинова Н.В., Антонова Е.В. (2017). Оценка качества проведения профилактических медицинских осмотров несовершеннолетних в Российской Федерации. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*, 25(1), 23-29. <http://dx.doi.org/10.1016/0869-866X-2017-25-1-23-29>
- Бессуднов А.Р., Малик В.М. (2016). Социально-экономическое и гендерное неравенство при выборе образовательной траектории после окончания 9-го класса средней школы. *Вопросы образования*, 1, 135-167. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-1-135-167>
- Богданов М.Б., Малик В.М. (2020). Как сочетаются социальное, территориальное и гендерное неравенства в образовательных траекториях молодежи России? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3(157), 391-421. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1603>
- Гусева Т.В. (2013). Роль карманных денег в экономической социализации подростков. *Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований*, 4, 259-264.
- Елизаров В.В., Сеница А.Л. (2019). Факторы бедности семей с детьми и перспективы ее снижения. *Уровень жизни населения регионов России*, 15(2), 63-75. <https://doi.org/10.19181/1999-9836-2019-10065>
- Кислицына О.А. (2018). Международный опыт измерения качества жизни (благополучия) детей. *Проблемы современной экономики*, 3(67), 103-106.
- Корчагина И.И., Прокофьева Л.М. (2022). Семьи с детьми старшего школьного возраста: потребность в социальной поддержке. *Народонаселение*, 25(3), 153-162. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.3.12>
- Кузнецов К.В. (2023) Оценка уровня потребления детьми в домохозяйствах. *Статистика и экономика*, 20(4), 12-20. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2023-4-12-21>
- Овчарова Л.Н. (Ред.) (2019). Семьи с детьми в России: уровень жизни и политика социальной поддержки. Москва: Изд. дом ВШЭ, 157 с.
- Asfaw A., Lamanna F., Klasen S. (2010). Gender gap in parents' financing strategy for hospitalization of their children: evidence from India. *Health economics*, 19(3), 265-279. <https://doi.org/10.1002/hec.1468>
- Autor D., Figlio D., Karbownik K. et al. (2019). Family disadvantage and the gender gap in behavioral and educational outcomes. *American economic journal: applied economics*, 11(3), 338-381. <https://doi.org/10.1257/app.20170571>
- Barcellos S., Carvalho L., Lleras-Muney A. (2012). Child gender and parental investments in India: Are boys and girls treated differently? *American economic journal: applied economics*, 6(1), 157-189. <https://doi.org/10.1257/app.6.1.157>

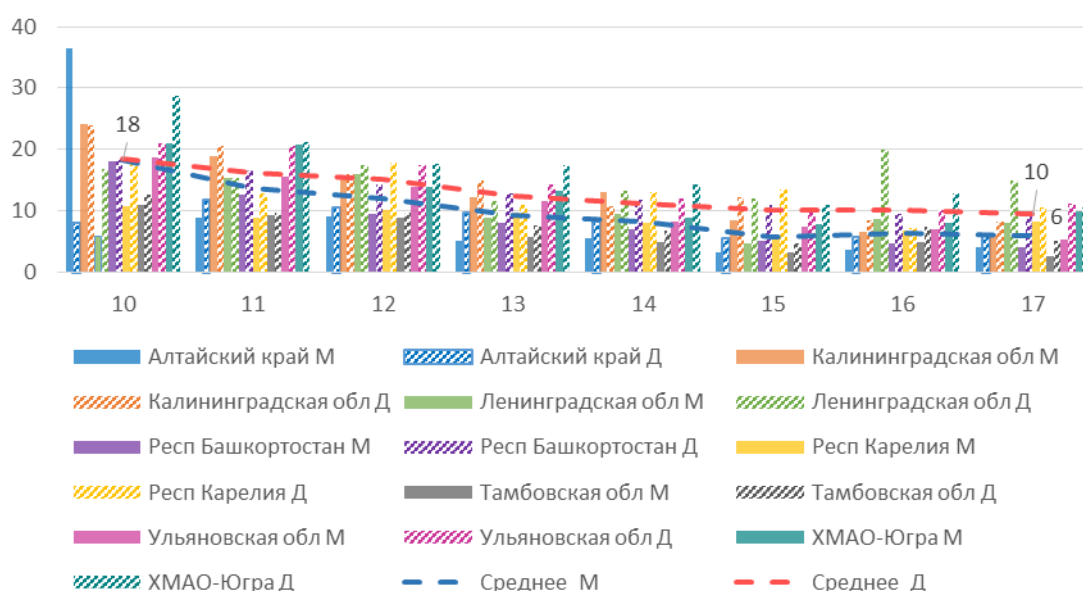
- Beardsmore R., Siegler V. (Eds.) (2014). *Measuring national well-being – exploring the well-being of children in the UK*. Office for national statistics.
https://www.basw.co.uk/system/files/resources/basw_20243-4_0.pdf
- Behrman J.R., Pollak R.A., Taubman P.J. (1986). Do parents favor boys? *International economic review*, 27(1), 33-54. <https://doi.org/10.22004/ag.econ.321326>
- Behrman J. (1988). Intrahousehold allocation of nutrients in rural India: Are boys favored? Do parents exhibit inequality aversion? *Oxford economic papers*, 40(1), 32-54.
<https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2017.09.051>
- Bertrand M., Pan J. (2013). The trouble with boys: Social influences and the gender gap in disruptive behavior. *American economic journal: applied economics*, 5(1), 32-64.
<https://doi.org/10.1257/app.5.1.32>
- Blau D., Currie J. (2006). Pre-school, day care, and after-school care: Who's minding the kids? *Handbook of the economics of education*, 2, 1163-1278.
- Burton P., Phipps S. (2009). Economic costs of caring for children with disabilities in Canada. *Canadian public policy*, 35(3), 269-290. <https://doi.org/10.1353/cpp.0.0022>
- Conti G., Heckmann J.J. (2012). *The economics of child well-being*. NBER Working Paper, 18466. Cambridge, MA: National bureau of economic research. https://doi.org/10.1007/978-90-481-9063-8_21
- Cunha F., Heckman J. (2007). The technology of skill formation. *American economic review*, 97(2), 31-47. <https://doi.org/10.1257/aer.97.2.31>
- Durante K.M., Griskevicius V., Redden J.P., White A.E. (2015). Spending on daughters versus sons in economic recessions. *Journal of consumer research*, 42, 435-457.
<https://doi.org/10.1093/jcr/ucv023>
- Fazrin I., Daha K.K., Musa K.I. (2022). The role of parents in preparing balanced menu with children's nutritional status. *Journal of nursing practice*, 5(2), 229-238.
<https://doi.org/10.30994/jnp.v5i2.149>
- Hao L., Yeung W.J. (2015). Parental spending on school-age children: structural stratification and parental expectation. *Demography*, 52(3), 835-860. <https://doi.org/10.1007/s13524-015-0386-1>
- Jordan A., Rees E. (2020). *Children's well-being indicator review*. UK: Office for National Statistics. www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/wellbeing/articles/childrenswellbeingindicatorreviewuk2020/2020-09-02
- Karbownik K., Myck M. (2016). Who gets to look nice and who gets to play? Effects of child gender on household expenditures. *Review of economics of the household*, 15, 925-944.
<https://doi.org/10.1007/s11150-016-9328-y>
- Kornrich S., Furstenberg F.F. (2013). Investing in children: changes in parental spending on children, 1972–2007. *Demography*, 50, 1-23. <https://doi.org/10.1007/s13524-012-0146-4>
- Lukemeyer, A., Meyers, M.K. Smeeding, T. (2000). Expensive children in poor families: out-of-pocket expenditures for the care of disabled and chronically ill children in welfare families. *Journal of marriage and family*, 62, 399-415. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2000.00399.x>

Lundberg S., Rose E. (2004). Investments in sons and daughters: Evidence from the consumer expenditure survey. In A. Kalil, T. DeLeire (Eds.), *Family investments in children: Resources and parenting behaviors that promote success* (pp. 163-180). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

OECD (2015). *How's life? 2015: measuring well-being*. Paris: OECD Publishing.
https://doi.org/10.1787/how_life-2015-en

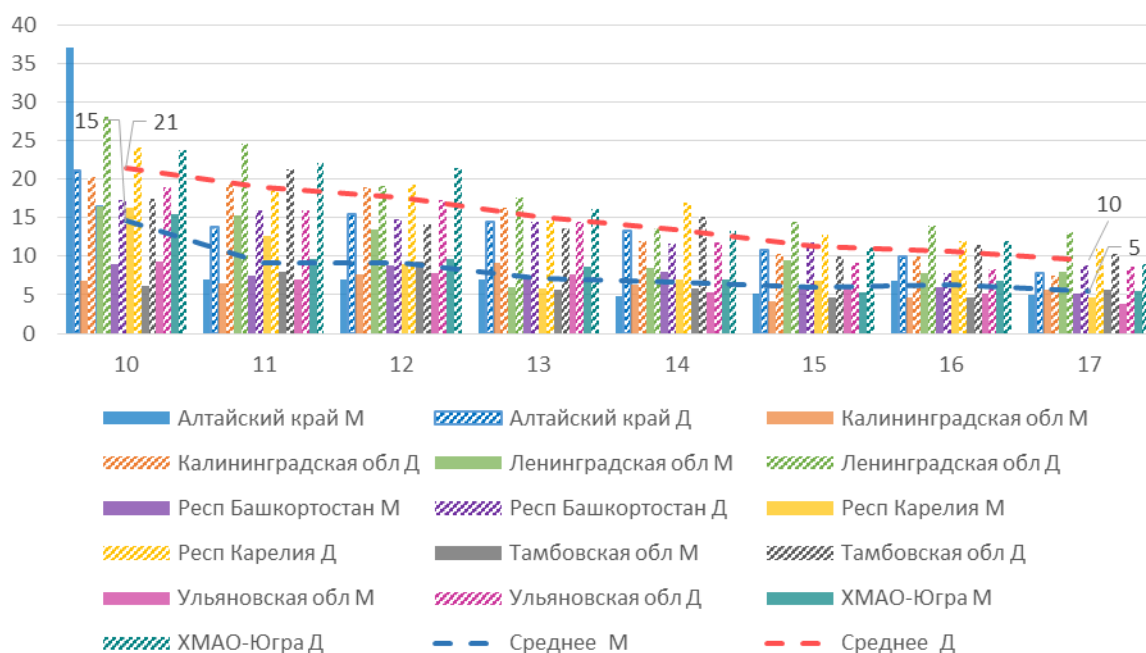
Приложения

Рисунок П1. Распределение детей, посещающих иностранные языки в восьми регионах, по возрасту и полу, %

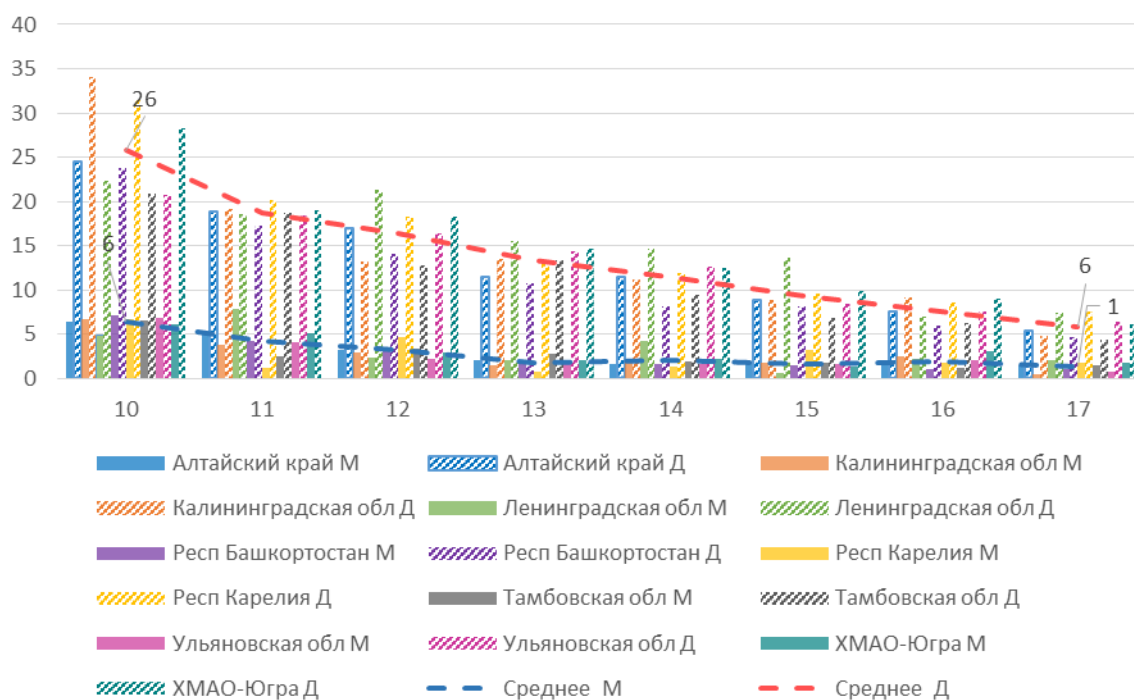
Источник: Расчеты авторов.

Рисунок П2. Распределение детей, посещающих иностранные языки в восьми регионах, по возрасту и полу, %

Источник: Расчеты авторов.

Рисунок П3. Распределение детей, посещающих занятия по рисованию и лепке в восьми регионах, по возрасту и полу, %

Источник: Расчеты авторов.